

арбитражной практики ВЕСТНИК №3 2021

Обзоры • Комментарии • Информация

Право как обязанность

Ответственность за налоговое правонарушение

Банковские сделки

Исковая давность

Субсидиарная ответственность

Судебная юрисдикция по трансграничным спорам

Требования кредиторов как способ субординации

Приостановление исполнения судебных актов

Толкование арбитражных оговорок

Вестник

арбитражной практики

№3(94) 2021

ИЗДАЕТСЯ С ДЕКАБРЯ 2005 Г.
ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В ДВА МЕСЯЦА

УЧРЕДИТЕЛИ

Юридический факультет МГУ имени
М.В. Ломоносова
Московское региональное отделение
Ассоциации юристов России
ООО «Юридический Дом «Юстицинформ»

РЕДАКЦИЯ, ИЗДАТЕЛЬ, РАСПРОСТРАНТЕЛЬ

ООО «Юридический Дом «Юстицинформ»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Вайпан В.А.

проректор МГУ имени М.В. Ломоносова,
профессор кафедры предпринимательского
права юрфака МГУ, Председатель Москов-
ского отделения Ассоциации юристов Рос-
сии, Почетный юрист города Москвы, д.ю.н.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.А. Арифулин

профессор кафедры гражданского, арбитраж-
ного и административного процессуального
права Российского государственного универ-
ситета правосудия, Заслуженный юрист РФ

А.К. Голиченков

декан Юридического факультета МГУ имени
М.В. Ломоносова, д.ю.н., профессор

М.А. Егорова

Начальник управления международного со-
трудничества Московского государственного
юридического университета имени О.Е. Кута-
фина (МГЮА), д.ю.н., профессор

М.Г. Иванов

заместитель генерального директора компа-
нии «КонсультантПлюс»

М.Ф. Ивлиева

зав. кафедрой финансового права Юридриче-
ского факультета МГУ имени М.В. Ломоносо-
ва, к.ю.н.

Д.В. Кравченко

Председатель Исполнительного комитета
Московского отделения Ассоциации юристов
России, к.ю.н.

И.М. Лифшиц

доцент кафедры международного права Все-
российской академии внешней торговли, д.ю.н.

Д.Я. Малешин

профессор кафедры гражданского процесса
Юридического факультета МГУ имени М.В. Ло-
моносова, д.ю.н.

П.А. Марков

судья Арбитражного суда города Москвы,
д.ю.н., доцент

В.М. Платонов

президент Московской торгово-промышлен-
ной палаты, депутат МосгорДумы, к.ю.н.

В.В. Прошин

генеральный директор ООО «Юстицинформ»
А.Е. Шерстобитов
профессор кафедры гражданского права Юри-
дического факультета МГУ имени М.В. Ломо-
носова, д.ю.н.

И.С. Шиткина

профессор кафедры предпринимательского
права Юридического факультета МГУ имени
М.В. Ломоносова, д.ю.н.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ

ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

3 Осипенко О.В.

Право как обязанность:
корпоративно-управленческий
аспект. Часть 2

15 Зрелов А.П.

Тяжелое материальное
или финансовое положение
организации, как основание
для смягчения ответственности
за налоговое правонарушение

28 Голышев В.Г., Голышева А.В.

К вопросу о правовых позициях
судов при применении норм
о банковских сделках

32 Власов Д.С., Ильин Д.В.

Знание о «надлежащем ответчике»
и исчисление срока исковой
давности

52 Абдулкадиров Т.

Судебная дискреция по вопросам
о субсидиарной ответственности
нуждается в ограничении?

60 Кондрашова П.С.

Субсидиарная ответственность
за неподачу (несвоевременную
подачу) заявления должника
в деле о банкротстве управляющей
компании (в сфере ЖКХ)

65 Терентьева Л.В.

Содержание принципа тесной связи при установлении судебной юрисдикции по трансграничным частноправовым спорам

76 Родина Н.В.

Изменение характера требований кредиторов как способ субординации

84 Мертвищев А.В., Чупахин И.М.

Проблемы приостановления исполнения судебных актов судом кассационной инстанции

91 Васильева А.А.

Толкование арбитражных оговорок. Сравнительно-правовой аспект: Россия, Великобритания и США

104 SUMMARY

УДК 340, 342, 346, 34718+

Журнал включен ВАК при Минобрнауке России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
Журнал включен в РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования)

НАД ВЫПУСКОМ РАБОТАЛИ:
Редактор *Маргарита Леоненко*
Корректор *Елизавета Касимова*
Дизайн, компьютерная верстка
Оксана Дегнер

25 июля 2005 г. Президиумом Арбитражного суда города Москвы учрежден журнал «Вестник Арбитражного суда города Москвы»
Зарегистрирован Роскомнадзором: ПИ № ФС77-22400 от 14.11.2005.
Перерегистрирован: ПИ № ФС77-37010 от 31.07.2009.

29 декабря 2010 г. переименован в «Вестник арбитражной практики»

Журнал создан и издается при участии компании «КонсультантПлюс»

Адреса учредителей:
Юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова
119991, г. Москва, ул. Ленинские горы, д. 1, стр. 13-14, 4-й учебный корпус МГУ им. М.В. Ломоносова, тел.: (495) 939-29-03
Московское региональное отделение Ассоциации юристов России
119991, г. Москва, ул. Ленинские горы, д. 1, стр. 13-14, 4-й учебный корпус МГУ им. М.В. Ломоносова, Юридический факультет, каб. 6035 а, тел.: (901) 560-60-20
ООО «Юридический Дом «Юстицинформ»
119607, г. Москва, ул. Лобачевского, д. 94, офис 7, тел./факс (495) 232-12-42
E-mail: pravoecon@jusinf.ru; по вопросам подписки: podpiska@jusinf.ru
Сайт: <http://www.jusinf.ru>; юстицинформ.рф

ЛР № 070363 от 05.06.97
Сдано в набор 01.06.2021.
Подписано в печать 30.06.2021.
Бум. офсетная. Формат 70x108/16.
Печать офсетная. Печ. л. 6,3.
Отпечатано в типографии ООО «Принт-Формула» г. Москва, 117437, ул. Профсоюзная, д.104 www.print-formula.ru
Заказ №

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на Вестник арбитражной практики обязательна. Перепечатка допускается только по согласованию с редакцией. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за достоверность публикаций и информации в рекламных объявлениях несут авторы и рекламодатели.

© ООО «Юридический Дом «Юстицинформ», 2021

ЮРИДИЧЕСКИЙ ДОМ «ЮСТИЦИНФОРМ» —

лауреат Высшей юридической премии «Фемида» в номинации «Право и СМИ» (за значительный вклад в развитие российских средств массовой информации и повышение информированности общества о деятельности арбитражной системы);

лауреат Национальной премии «Открытая книга России» в номинации «Издательство» (за активное участие в развитии единого электронного библиотечного пространства России)

Дмитрий ВЛАСОВ

Дмитрий ИЛЬИН

ЗНАНИЕ О «НАДЛЕЖАЩЕМ ОТВЕТЧИКЕ» И ИСЧИСЛЕНИЕ СРОКА ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ¹

«Задавненные спящие иски таят в себе больше жестокости, чем справедливости»².

A' Court v. Cross

Введение

1 сентября 2013 г. в силу вступили значительные изменения в Гражданский кодекс РФ (далее — «ГК РФ»), которые затронули порядок исчисления сроков исковой давности. Одним из ключевых нововведений стало так называемое правило «о надлежащем ответчике», которое закрепляет, что течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать не только о нарушении своего права, но и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права (п. 1 ст. 200 ГК РФ). До 1 сентября 2013 г. ГК РФ не устанавливал такого требования для исчисления начала течения срока исковой давности.

Введение правила «о надлежащем ответчике» существенным образом изменило исчисление сроков исковой давности, но только для определенных ситуаций, когда правонарушитель неизве-

стен (например, при краже имущества или причинении вреда имуществу). Для обыкновенных договорных исков это правило не очень релевантно, так как ответчик — договорный должник всегда известен кредитору. В рамках же виндикационных и деликтных исков (когда, действительно, в силу определенных причин личность должника может быть неизвестна кредитору) участники оборота, чьи права были нарушены, получили определенное преимущество в том плане, что разумное время на розыск такого должника не включается в срок исковой давности.

При толковании новой редакции п. 1 ст. 200 ГК РФ *de lege lata* можно было бы прийти в целом к выводу о том, что участники оборота могут теперь ждать, пока станет известно, кто же является надлежащим ответчиком по делу. Однако такое толкование не соответствовало

¹ Мнение, изложенное в настоящей статье, является позицией авторов статьи, но не Адвокатского бюро города Москвы «ККП».

² A' Court v. Cross (1825) 3 Bing 329, 332 per Best CJ, 130 ER 540, 541.

Власов Дмитрий Сергеевич

Старший юрист адвокатского бюро города Москвы «Кульков, Колотилов и партнеры». Специализируется на договорных и корпоративных спорах, внутренних расследованиях, комплаенс и вопросах банковского права. Основные направления научных исследований: проблемы международного арбитража, гражданское право и процесс.

Окончил Воронежский Государственный Университет по специальности «юриспруденция» (2004 г.), в 2011 г. получил магистерскую степень по праву (LL.M.) Лондонского Университета Королевы Марии.

Работал в крупных российских и иностранных банках, а также международных юридических фирмах в Лондоне и Москве. Представляет интересы клиентов в российских государственных судах всех уровней, в международных коммерческих арбитражах, включая параллельные судебные и арбитражные разбирательства.

Дмитрия Власова рекомендуют независимые международные справочники The Legal 500 и Best Lawyers.

Автор (соавтор) порядка 10 публикаций (юридических справочников, статей и иных материалов по правовой тематике).

Ильин Дмитрий Владимирович

Юрист адвокатского бюро города Москвы «Кульков, Колотилов и партнеры». С 2021 года является членом Адвокатской палаты г. Москвы.

Специализация покрывает многочисленные вопросы корпоративного права, включая ответственность органов управления компании, споры из SPA/SHA, а также субсидиарную ответственность контролирующих лиц в банкротстве.

Родился 20 сентября 1996 года в с. Журавинка Рязанской области. В 2018 году с отличием окончил факультет права НИУ ВШЭ (диплом бакалавра), а в 2020 году защитил магистерскую диссертацию. В настоящий период является аспирантом Института законодательства и сравнительного правоведения. Представляет российских и иностранных клиентов в сложных коммерческих спорах в государственных и третейских судах России, и в международном арбитраже, включая последующее признание и приведение в исполнение арбитражных решений.

Дмитрий Ильин включен в рейтинг рекомендованных юристов «Право-300» в отрасли «Международный арбитраж» (1-я группа). Обладает богатым опытом подготовки экспертных заключений по российскому праву для иностранных судов и арбитражей.

Автор (соавтор) 5 публикаций, в том числе: Применение доктрины присвоения корпоративных возможностей в России. Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 8. С. 197–222; Ильин Д.В., Борисова А.Д. Преюдициальность арбитражных решений в России. Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 6.

бы ни букве закона (так как в норме указано на то, что давность начинает течь с момента, когда истец узнал или должен был узнать о надлежащем ответчике (т.е. вмененное знание)), ни цели законодательного установления исковой давности (которая состоит в том, чтобы ограничить период времени, в течение которого может быть предъявлен иск). Поэтому в судебной практике сформировался

подход, согласно которому истец не может «сидеть и ждать», а должен предпринимать активные действия по розыску должника³.

Но все же мы можем говорить о существующем «ослаблении» режима — теперь по общему правилу срок исковой давности не начинает течь, пока истцу неизвестен и не должен быть известен ответчик.

³ См., например, ООО «Автосервис-ММ» против ФГУП «Инжтехцентр Минобороны России», Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27 января 2016 г. по делу № А40-6796/2015: «Суд апелляционной инстанции, частично отменяя решение суда первой инстанции, посчитал, что суд первой инстанции необоснованно не применил срок исковой давности, о котором заявлял ответчик, и не учел, что истец как собственник автомобиля..., не только вправе им владеть, пользоваться и распоряжаться, но и несет бремя содержания принадлежащего ему автомобиля, поэтому истец обязан был знать местонахождение своего автомобиля..., в противном случае должен был обратиться в правоохранительные органы с заявлением о пропаже автомобиля или предпринять иные способы розыска автомобиля. По мнению суда апелляционной инстанции, только в этом случае можно было согласиться с выводом суда первой инстанции о начале истечения срока давности с момента возврата истцу автомобиля, поскольку до этого момента истец, вероятно, не знал, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите права истца, однако истец не представил доказательств того, что до возврата ему автомобиля 29.08.2013 он предпринимал какие-либо действия по его розыску, поэтому подлежат применению общие положения о сроке исковой давности, указанные в ст. 196 Гражданского кодекса Российской Федерации».

Оставляя за рамками предмета настоящей статьи вопрос «активности»⁴ истца по защите нарушенных прав, которая требуется от него, чтобы иск не оказался задавненным, в настоящей статье авторы останавливаются на самом условии п. 1 ст. 200 ГК РФ о знании надлежащего ответчика и рассматривают проблему, связанную с тем, является ли такое изменение ГК РФ (т.е. в зависимости от момента, когда лицо узнало о надлежащем ответчике) существенным изменением российского права (т.е. ранее неизвестным правилом, нововведением) или оно представляет собой лишь закрепление в законе правила, давно сложившегося в судебной практике (например, путем телеологического толкования, а именно путем толкования фразы о том, что срок исковой давности начинает течь тогда, «когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права»).

Указанная проблема проявляется в том, что суды, рассматривающие дела, основанные на обстоятельствах, возникших до 1 сентября 2013 г., обязаны руководствоваться правилами об исчислении срока исковой давности, действующими в соответствующий период⁵. В случае, если срок исковой давности, рассчитанный по ранее действовавшим правилам, не истек к 1 сентября 2013 г., то применяется новая редакция закона⁶. В остальных случаях применяется старая редакция закона.

В случае, если мы признаем изменение ст. 200 ГК РФ существенным (точка зрения, которой придерживаются авторы настоящей статьи), то в делах, разрешаемых по обстоятельствам, возникшим до 2013 г., суд должен рассчитывать срок исковой давности опираясь только

на знание истца о факте нарушения его права вне зависимости от знания истца о личности «надлежащего ответчика» (однако если срок исковой давности истекает после 1 сентября 2013 г., то должна применяться новая редакция закона).

Если же предположить, что правило «о надлежащем ответчике» было присуще российскому праву всегда, и законодатель лишь формально закрепил в законе уже сложившийся на практике подход, то правило «о надлежащем ответчике» должно применяться судами вне зависимости от редакции закона.

Исходя из приведенных вводных, в настоящей статье мы (i) проанализируем релевантную судебную практику до 2013 г., (ii) посмотрим на мнения, существовавшие в доктрине, а также (iii) рассмотрим международный опыт, затрагивающий проблему знания «о надлежащем ответчике» при исчислении начала течения срока исковой давности. На основе приведенного анализа авторы приведут свои выводы по обозначенной проблеме.

Релевантная судебная практика до 2013 г.

(i) *Практика, подтверждающая отсутствие правила о «надлежащем ответчике»*

В деле ЗАО «Евросиб СПб-транспортные системы» против ООО «ЮПМ-Кюммене»⁷ в 2011 г. истец обратился в суд с требованием о взыскании неосновательного обогащения. С лицевого счета компании были списаны денежные средства; по мнению истца, это произошло по ошибке. Однако на основании распоряжения какого лица были списаны средства, истцу не было известно. Денежная

⁴ Авторы имеют в виду сложившуюся судебную практику, согласно которой истец обязан заботиться о своих делах. В связи с чем срок исковой давности признается пропущенным в случае, когда истец не проявил должной заботливости, присущей разумному лицу. Так как, если бы истец проявил должную степень «активности», то узнал бы о нарушении своих прав или о личности должника гораздо раньше. Наиболее известной в этом отношении является практика касательно исчисления срока исковой давности с даты проведения общего годового собрания акционеров при оспаривании сделок по корпоративным основаниям.

⁵ Пункт 3 ст. 3 ФЗ № 100-ФЗ от 7 мая 2013 г.

⁶ Пункт 9 ст. 3 ФЗ № 100-ФЗ от 7 мая 2013 г.

⁷ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 19 января 2012 г. по делу № А56-43712/2011.

сумма была списана РЖД по указанию грузоотправителя (что было установлено впоследствии), который не имел права указывать код плательщика-истца, но воспользовался этим, поэтому личность ответчика не была известна истцу в момент списания денежных средств. Суд постановил, что для исчисления срока исковой давности это не имело никакого значения: *«то обстоятельство, что на момент списания денежных средств истец не мог определить надлежащего ответчика, для определения даты начала течения срока давности для защиты нарушенного права значения не имеет»*.

Аналогичная позиция изложена в деле ООО «Малахит» против ОАО «Контактор»⁸. В данном деле в 2008 г. истец обратился в суд с требованием о возмещении внедоговорного вреда (вследствие утраты груза по вине ответчика). По мнению истца, срок исковой давности должен был исчисляться с момента, когда истцу стал известен надлежащий ответчик, а именно, вынесен приговор в отношении конкретного лица, которым установлена вина этого лица в причинении вреда. Однако суд с таким толкованием ст. 200 ГК РФ не согласился, указав, что исчисление срока исковой давности связано лишь с одним обстоятельством — с днем, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права. При этом суд указал, что *«исчисление судом срока исковой давности со дня вступления в силу приговора суда... является ошибочным, поскольку необходимость установления в судебном порядке вины и надлежащего ответчика по делу не является тем обстоятельством, которое влечет приостановление или прерыв течения срока исковой давности»*.

Подобная практика являлась довольно распространенной в России среди дел, в которых поднимался вопрос о том, необходимо ли учитывать знание истца «о надлежащем ответчике» для исчисления начала течения срока исковой давности⁹. Вот еще несколько примеров:

1. Дело ОАО «СК «Прогресс-Гарант» против В.Н. Повх¹⁰, в рамках которого рассматривался спор о взыскании страховщиком, выплатившим возмещение по страховому полису в декабре 2003 г., убытков в связи со страховым событием — аварией, произошедшей в октябре 2003 г.¹¹ Иск был подан только в октябре 2006 г. Второй ответчик был привлечен в качестве соответчика в апреле 2007 г. после того, как было установлено, что именно он выдал доверенность на управление пострадавшего в аварии транспортного средства (после того как суд получил от нотариуса соответствующую информацию). Истец утверждал, что именно с этого момента он узнал о личности ответчика. Верховный Суд РФ не согласился с аргументацией истца:

«Вывод суда, о том, что срок исковой давности, об истечении которого заявили ответчики, истцом не пропущен, поскольку право требования истца к ответчику Литвиненко А.Г. возникло 20 апреля 2007 года, когда ОАО "СК "Прогресс-Гарант" узнало о наличии выданной Киановским И.В. генеральной доверенности Литвиненко А.Г., нельзя признать правильным. <...>Срок исковой давности для страховщика, выплатившего страховое возмещение, в данном случае исчисляется с момента возникновения ущерба, а не с момента, когда истцом будет определен ответчик по указанным исковым требованиям. Гражданский кодекс РФ и иные зако-

⁸ Постановление ФАС Поволжского округа от 29 июля 2009 г. по делу № А72-7937/2008.

⁹ Обзор кассационной и надзорной практики Пермского краевого суда по гражданским делам за 6 месяцев 2008 года (подготовлен Пермским краевым судом 25 августа 2008 г.); Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 20 июня 2013 г. по делу № А26-9304/2012.

¹⁰ Определение Верховного суда РФ от 28 апреля 2009 г. № 5-В09-16.

¹¹ Возможная позиция о том, что страховые дела о взыскании убытков в порядке суброгации следует отличать от таких же деликтных споров без участия истца-страховщика для целей расчета срока исковой давности представляется неверной, так как мы не видим оснований выделять страховые дела в отдельную категорию споров в контексте настоящей дискуссии.

ны не определяют начало течения срока исковой давности с момента, когда истец узнал, кто является ответчиком по возникшему спору как изъятие из общих правил исчисления сроков исковой давности, установленных действующим законодательством» (выделено авторами).

2. Дело ООО «КоРус Маркет» против ООО «Арбат»,¹² в рамках которого истец обратился с иском о взыскании ущерба, причиненного возгоранием здания при осуществлении работниками ответчика ремонтных работ. Истец полагал, что срок исковой давности должен исчисляться с момента, когда в отношении работника ответчика был вынесен обвинительный приговор (т.е. была установлена вина работника, а значит стал известен надлежащий ответчик), однако суд постановил, что:

«...статья 200 ГК РФ не связывает начало течения срока исковой давности с моментом установления лица, нарушившего право (причинителя вреда) ... ООО «КоРус Маркет» должно было узнать о нарушении своего права – причинение ущерба зданию пожаром, не позднее дня, в который он произошел, то есть 27.10.2006 (в момент причинения вреда)».

(ii) Практика, потенциально свидетельствующая в пользу существования правила о «надлежащем ответчике»

Однако нам известна и незначительная противоположная практика (но только о неосновательном обогащении). В одном деле, а именно ООО «ГенСтройПроект» против К.А., истец в 2012 г. обратился с иском к физическому лицу о взыскании неосновательного обогащения (задолженности по договору подряда). Согласно обстоятельствам дела, в 2008 г. истец отремонтировал здание филиала медицинского учреждения по дого-

вору, заключенному с К.А., действовавшим в качестве директора филиала. Работы были приняты, но не оплачены. В 2011 г., под конец срока исковой давности, истец обратился с иском к филиалу медицинского учреждения с требованием оплатить выполненные работы. В ходе данного судебного разбирательства было установлено, что К.А. превысил свои полномочия при подписании договоров подряда, в связи с чем должником истца является сам К.А., а не филиал. В иске, соответственно, было отказано. В 2012 г. истец обратился с новым иском непосредственно к К.А. Ответчик (К.А.) заявил о пропуске истцом срока исковой давности. Однако суд не признал срок давности пропущенным, так как, по мнению суда, «защита права в рамках искового производства невозможна до тех пор, пока лицу, чье право нарушено, неизвестен нарушитель права – потенциальный ответчик»¹³.

В другом деле, а именно ИП Ванин А.Г. против ОАО «ВымпелКом»,¹⁴ истец также взыскивал с ответчика неосновательное обогащение, возникшее в период с 2009 г. по 2013 г. в результате бесплатного и несогласованного использования ответчиком электролиний истца. Истец в 2007 г. приобрел электролинии и узнал, что на них протянут не только кабель, предназначенный для освещения улиц, но и иной кабель. В 2014 г. истец обратился в полицию и затем в Роскомнадзор с целью выяснить, кому принадлежит иной кабель. Впоследствии, после установления личности пользователей, истец обратился к ним с иском, а именно к ОАО «ВымпелКом» и еще двоим ответчикам (которые также неосновательно использовали электролинии). Ответчики ссылались на пропуск срока исковой давности, так как, по их мнению, истец давно, еще с 2007 г., знал об использовании электролиний (т.е. о наруше-

¹² Постановление ФАС Дальневосточного округа от 28 Августа 2012 г. в деле № А51-18377/2011.

¹³ Апелляционное определение Томского областного суда от 21 сентября 2012 г. по делу № 33-2328/2012.

¹⁴ Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 28 мая 2015 г. по делу № А12-43194/2014.

нии своих прав), однако никаких действий не предпринимал. Суд, применив новую редакцию ст. 200 ГК РФ, постановил, что «... истцу окончательно стало известно, что именно ответчики осуществляют пользование его имуществом, только в 2014 году»¹⁵ (т.е. после обращения в компетентный орган и получения информации об ответчиках). Соответственно, суд постановил, что срок исковой давности не пропущен, так как до 2014 г. истец не знал, кто является ответчиком по иску.

Данный кейс является слабым подтверждением применения подхода о необходимости учета знания надлежащего ответчика, проистекающего из Информационного письма ВАС РФ по виндикации, которое будет обсуждаться ниже. Дело в том, что основная часть требований истца попадала в новый режим ст. 200 ГК РФ (так как срок исковой давности оканчивался после 1 сентября 2013 г.). Суд, применяя новую редакцию, по какой-то причине не проанализировал необходимость применения старого режима к требованиям, срок по которым истек до 1 сентября 2013 г. С одной стороны, если суд не анализировал этот вопрос, то он теоретически мог прийти к противоположному выводу, применив старый режим течения срока исковой давности по ст. 200 ГК РФ. С другой стороны, можно предположить, что суд, на самом деле, проанализировал проблемный вопрос и исходил из того, что различий между режимами нет, в связи с чем правило «о надлежащем ответчике» было применено и к требованиям за 2009–2010 гг. Учитывая это, хотя мы и относим данное дело к практике «за» существование спорного правила, но делаем это условно и отмечаем противоречивость мотивировки суда.

Кроме того, следует отметить, что в обоих приведенных делах суд не приме-

нил подход, уже обозначенный выше и являющийся общепринятым в практике, согласно которому истец обязан заботиться о своих делах. Истец, который не предпринял меры по защите прав своевременно, утрачивает право ссылаться на свое незнание. Так, в первом деле истец подал иск к филиалу медицинского учреждения в последний момент срока исковой давности. Соответственно, срок оказался пропущенным к моменту, когда истец узнал о надлежащем ответчике в ходе судебного разбирательства. Если бы истец подал иск оперативнее, то К.А. уже не смог бы ссылаться на истечение срока. Аналогично во втором деле истец в течение 7 лет бездействовал и не пытался установить личность того, кто незаконно пользовался его электролиниями (вплоть до обращения в полицию в 2014 г.). Это свидетельствует о недостатках приведенных решений, что снижает их ценность в качестве демонстрации позиции, существовавшей на практике до 2013 г.

В то же время для целей настоящей статьи мы должны учитывать, что в этих двух делах суды все же нашли справедливым рассчитать срок исковой давности с момента, когда истец узнал о надлежащем ответчике, и таким образом в некоторой степени дополнили п. 1 ст. 200 ГК РФ в редакции до 2013 г. новым неглавным правилом.

Таким образом, до 2013 г. подход о необходимости учета «знания о надлежащем ответчике» в общем массиве судебной практики не применялся. Это также подтверждается тем, что, согласно выработанному на практике подходу, срок исковой давности не прерывается подачей иска против ненадлежащего ответчика¹⁶. Соответственно, если истец при подаче иска не знал, кто является надлежащим ответчиком, или заблуждался в его личности, то, по мнению судов, это не оправдывает истца в глазах закона, в си-

¹⁵ Авторы полагают, что формулировка «окончательно известно» является крайне противоречивой и не основанной на законе, но этот аспект не является предметом настоящей статьи.

¹⁶ Определение ВАС РФ от 11 октября 2007 г. по делу № А21-6850/2006; Постановление ФАС Северо-Западного округа от 18 июля 2003 г. по делу № А56-12983/02; Постановление ФАС Московского округа от 29 марта 2011 г. по делу № А40-95343/10; Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 31 мая 2007 г. по делу № А19-40997/05.

лу чего срок исковой давности по отношению к его требованиям не прерывается¹⁷.

(iii) Виндикационные споры

В этой связи следует отдельно рассмотреть практику по спорам о виндикации, появившуюся в 2008 г. на основании Информационного письма Президиума ВАС РФ № 126 от 13 ноября 2008 г. «Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с истребованием имущества из чужого незаконного владения» (далее — «**Обзор Президиума ВАС РФ**»). В п. 12 Обзора по спору, касающемуся истребования движимого имущества из чужого незаконного владения, указано, что срок исковой давности не может начать течь ранее, чем будет обнаружено имущество и станет известен потенциальный ответчик:

«...защита права в рамках искового производства невозможна до тех пор, пока лицу, чье право нарушено, неизвестен нарушитель права — потенциальный ответчик».

В дальнейшем данное разъяснение стало цитироваться в спорах о виндикации имущества, где поднимался вопрос исчисления срока исковой давности¹⁸. Не затрагивая вопрос о справедливости позиции, предложенной Президиумом ВАС РФ, необходимо отметить, что нам неизвестно какое-либо решение, вынесенное до принятия указанного Обзора Президиума ВАС РФ, в котором был бы подобным образом решен вопрос о начале течения срока исковой давности. Более того, мы не смогли установить то дело, которое было положено в основу данного Обзора. Вполне возможно, это было абстрактное, несуществующее дело, а не основанный на судебной практике вывод.

Несмотря на то, что позиция Президиума ВАС РФ по «конкретному» делу

(т.е. не абстрактное разъяснение Пленума ВАС РФ) повлияла на формирование определенного пласта судебной практики по делам о виндикации, необходимо отметить, что нам известны виндикационные дела, в которых суды указали на отсутствие правила «о надлежащем ответчике», игнорируя Обзор Президиума ВАС РФ. Например, в деле ОАО «ТСТ-Аренда» против ИП Нигматуллина А.М. суд постановил:¹⁹

«Федеральным законом Российской Федерации от 07.05.2013 № 100-ФЗ были внесены изменения в п. 1 ст. 200 Гражданского кодекса Российской Федерации, в силу которого течение срока исковой давности начинается не только со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права, но и со дня, когда потерпевшее лицо узнало также и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права. Ранее действующее законодательство не было связано с определением надлежащего ответчика» (выделено авторами).

В другом деле, а именно МУП «Коммунальник» против ИП Мирзаянов В.Р., суд указал, что новая версия ст. 200 ГК РФ не применяется к виндикационным требованиям, срок исковой давности по которым истек до внесения изменений в ГК РФ, и следовательно, личность надлежащего ответчика для таких требований не важна.²⁰

«Поскольку срок давности на предъявление виндикационного требования истекал 01.12.2012, то есть до вступления в силу положений Федерального закона от 07.05.2013 № 100-ФЗ "О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации", в соответ-

¹⁷ Ст. 203 ГК РФ в редакции до 1 сентября 2013 г. устанавливала, что течение срока исковой давности прерывается предъявлением иска в установленном порядке. Видимо, суды толковали это таким образом, что предъявление иска к ненадлежащему ответчику означало, что такой иск подан в установленном порядке, а значит ст. 203 ГК РФ применена быть не может.

¹⁸ Постановление Президиума ВАС РФ от 8 октября 2013 г. по делу № А07-5384/2012.

¹⁹ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 6 мая 2015 г. по делу № А65-11116/2014.

²⁰ Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 13 апреля 2016 г. по делу № А07-8387/2014.

виш с п. 9 ст. 3 указанного закона, новая редакция ст. 200 ГК РФ не подлежит применению».

Подобная практика подтверждает, что информационные письма ВАС РФ сами по себе не создавали (и не могли создать) нового правила, так же, как и не формировали нового подхода в практике, обязательного для всех судов, так как мы видим, что суды применяли их непоследовательно.

(iv) Применение правовой позиции Обзора Президиума ВАС РФ к другим категориям споров

На данном этапе анализа проблемы возникает вопрос о том, насколько позиция Президиума ВАС РФ касательно исчисления срока исковой давности, приведенная выше и применявшаяся в спорах о виндикации, могла быть распространена на другие категории споров (например, договорные, из неосновательно обогащения или деликтные).

Особенность споров о виндикации заключается в том, что в рамках таких споров истребуются индивидуально-определенные вещи. Такой иск представляет собой (по традиционной формуле) иск «невладеющего собственника к владеющему несовладельцу», где владение — это вопрос факта, напрямую влияющий на исход спора²¹. Иными словами, для подачи иска необходимо знать, кто в моменте фактически владеет вещью. Соответственно, пока истцу неизвестно, к кому попала его вещь, он не имеет возможности заявить иск. Выяснение же личности «грабителя» при истребовании движимых вещей (позиция Президиума касалась именно движимых вещей) либо невозможно, либо занимает длительное время.

Видимо, Президиум ВАС РФ посчитал, что в такой ситуации было бы справедливым изменить исчисление срока исковой давности таким образом, чтобы

он начинал течь не ранее, чем станет известен нарушитель.

Рассматривая другие категории споров, например, о взыскании договорных убытков или об исполнении обязательства в натуре, следует констатировать, что они отличаются по своему характеру. Если мы рассматриваем обязательственные (договорные) споры, то вопрос знания «надлежащего ответчика» в целом не должен подниматься, так как кредитору должен быть известен должник, как минимум по той причине, что между ними было заключено соглашение, породившее соответствующее обязательство. Иными словами, в договорных спорах личность должника всегда известна кредитору.

Иная ситуация складывается во внедоговорных деликтных спорах, которые, на первый взгляд, имеют больше схожего с виндикационными исками (касательно аспекта исчисления срока исковой давности), так как вред может быть причинен лицом, личность которого может быть неизвестна пострадавшему. Применение правила «о надлежащем ответчике» в такой ситуации могло бы быть справедливым, однако, как указано выше, суды до 2013 г. исчисляли сроки исковой давности по деликтным спорам и спорам о неосновательном обогащении вне зависимости от знания или незнания истца о личности надлежащего ответчика²².

Таким образом, на практике получалось, что течение срока исковой давности по виндикационным искам могло зависеть от знания «о надлежащем ответчике». Однако это не могло быть по аналогии применено к обязательственным спорам. В деликтных спорах, несмотря на возможность аналогии, суды не применяли правило «о надлежащем ответчике». Получается, что позиция Президиума ВАС РФ не распространилась на иные категории споров, хотя, возможно, для деликтных споров правило «о над-

²¹ П. 32 совместного Постановления Пленумов Верховного суда РФ и ВАС РФ № 10/22 от 29 апреля 2010 г.

²² Однако по спорам о неосновательном обогащении были отклонения в практике, которые продемонстрированы выше.

лежащем ответчике» было не менее актуальным, а осталась исключительно в рамках споров о виндикации, так как это было толкование, выходящее за формулировки закона и судебной практики того времени.

Освещение проблемы в доктрине

В юридической литературе современной России до 2013 г. превалировала точка зрения, что знание «о надлежащем ответчике» не влияет на течение срока исковой давности. Так, в комментариях к ГК РФ 2010 г. под редакцией профессора А.П. Сергеева отмечается, что «никакие другие обстоятельства, кроме прямо указанных в законе, на начало течения исковой давности не влияют. В частности, не име[е]т юридического значения в этом плане ссылка на незнание того, кто является нарушителем...»²³. Аналогично в комментариях к ГК РФ 2011 г. под редакцией профессора П.В. Крашенинникова указывается, что «время, затраченное на обнаружение нарушителя, засчитывается в срок исковой давности и, конечно, сокращает его»²⁴. При этом авторы не могли не знать о содержании положений Обзора Президиума ВАС РФ 2008 г.

Еще до издания приведенных выше комментариев в первом варианте Концепции о совершенствовании общих положений ГК РФ 2009 г. было обозначено, что существует проблема в том, что истец, не имея данных о субъекте ответственности, не может предъявить иск:

«На практике нередки случаи, когда истец, не имея данных о субъекте ответственности по виндикационным требованиям, требованиям о возмещении вреда, а также требованиям к наследодателю, не может предъявить соответствующий иск. Действующее законодательство не предусматривает

никаких особенностей начала течения исковой давности по указанным требованиям, результатом чего является невозможность эффективной защиты нарушенных прав» (выделено нами).

Как следствие, авторами проекта Концепции (в число которых входили имени-тые В.Ф. Яковлев, А.В. Егоров, О.В. Гутников, Р.С. Бевзенко и многие другие, включая судей ВАС РФ С.В. Сарбаша и Л.А. Новоселову) в качестве одного из решений было предложено установить в ГК РФ правило, согласно которому срок исковой давности будет начинать течь только после того, как лицо узнает о субъекте ответственности. Соответственно, авторы проекта Концепции считали, что правила «о надлежащем ответчике» на тот момент в российском законодательстве не существовало, хотя, как отмечалось авторами, данная проблема в научных кругах поднималась в отношении виндикационных и деликтных исков.

Приведенное выше положение Концепции подтверждает точку зрения о том, что правило «о надлежащем ответчике» было новым для российского законодательства, так как если бы Обзор Президиума ВАС РФ в 2008 г. решил проблему неизвестности ответчика, то вносить изменения в закон не было бы необходимости.

В то же время, в литературе до 2013 г. встречается и противоположный взгляд. Так, профессор А.М. Эрделевский в статье 2002 г. и в комментариях к ГК РФ 2006 г. указывал, что институт срока исковой давности напрямую связан с процессуальными кодексами, в связи с чем для начала течения срока исковой давности необходимо, чтобы истец обладал знаниями, требуемыми процессуальными кодексами для подачи соответствующего иска²⁵. В частности, сведениями касательно потенциального ответчи-

²³ «Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая: учеб.-практич. комментарий (постатейный)»; под ред. А.П. Сергеева. М.: Проспект. 2010. СПС «Консультант Плюс».

²⁴ «Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой»; под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2011. СПС «Консультант Плюс».

²⁵ Эрделевский А.М. «О начале течения исковой давности», 2002; «Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный)»; под ред. С.П. Гришаева, А.М. Эрделевского. СПС «Консультант Плюс».

ка, которые требуются процессуальными кодексами (в том числе его наименование и местонахождение). Аналогично, В.Ю. Бузановым в сборнике статей 2011 г. также отмечалось (ссылаясь на советскую работу Д.М. Генкина), что трудно не согласиться с мнением старшего поколения юристов о том, что знание личности нарушителя является объективным условием самой возможности предъявления иска²⁶.

Таким образом, проблема незнания надлежащего ответчика в контексте исчисления сроков исковой давности была известна научным кругам, но в судебной практике она однозначно не была разрешена (за исключением, пожалуй, споров о vindикации имущества, начиная с 2008 г. после выхода Обзора Президиума ВАС РФ). При этом важно отметить, что правило «о надлежащем ответчике» объяснялось приведенными выше авторами через процессуальный аспект, хотя институт срока исковой давности традиционно (через призму его исторического развития и целеполагания) по российскому праву является институтом материального права. Подобная аргументация, основанная на нормах процессуального права, звучала бы убедительно, но сама по себе не могла изменить ситуацию, так как требования процессуального кодекса не могли изменить содержание материального статуса. Требовалось внесение соответствующих изменений в ГК РФ.

После 2013 г. (т.е. как только изменения в ст. 200 ГК РФ вступили в силу) в доктрине начинает складываться единый подход в отношении проблемы «надлежащего ответчика» при исчислении сро-

ков исковой давности. Так, профессор Е.А. Суханов и Н.М. Лакоценина утверждают, что судебная практика по vindикационным спорам «предвосхитила» изменение норм ГК РФ^{27,28}. М.А. Ерохова даже пишет, что в отношении, в том числе деликтных исков «[с]уды еще с советских времен сформировали для себя такой подход...», однако тут же делает оговорку, что «в судебной практике был один подход, а в ГК РФ было написано по-другому» при этом «так было до изменений в ГК РФ...когда правила, разработанные судами при рассмотрении vindикационных исков, попали в Кодекс...и стали общим правилом»²⁹ (выделено авторами).

Свою позицию в 2012–2014 гг. кардинально поменял профессор А.П. Сергеев³⁰, который ранее писал, что незнание надлежащего ответчика не имеет юридического значения для целей исковой давности, а после изменений в ГК РФ указывает, что «законодатель ограничился признанием положений, уже давно не подвергающихся серьезному сомнению в доктрине», что свидетельствует о непоследовательности его позиции.

Соответственно, после внесения изменений в ГК РФ, исследователи стали писать о правиле «о надлежащем ответчике» как о правиле, давно присущем российскому законодательству, хотя кроме споров о vindикации данный подход нигде толком не использовался.

Переходя к релевантным трудам советских ученых, например, И.Б. Новицкого и Б.Б. Черепахина, становится ясно, что данные авторы не сомневаются в том, что по vindикационным искам и искам из причинения вреда личность наруши-

²⁶ «Проблемы развития частного права: Сборник статей к юбилею Владимира Саурсеевича Ема»; отв. ред. Е.А. Суханов, Н.В. Козлова. М.: Статут, 2011. СПС «Консультант Плюс».

²⁷ Суханов Е.А. «Вещное право: научно-познавательный очерк». М.: Статут, 2017. СПС «Консультант Плюс».

²⁸ Лакоценина Н.М. «Вопросы защиты владения». Юрист. 2014. № 19. СПС «Консультант Плюс».

²⁹ Ерохова М.А. «Защита вещных прав: некоторые вопросы судебной практики». Экономика и жизнь. 11 марта 2016 г. URL: <https://www.eg-online.ru/print/article/307123>.

³⁰ Сергеев А.П., Терещенко Т.А. Особенности исчисления начала течения исковой давности, если вредоносные действия являются одновременно преступлением. Арбитражные споры. 2014. № 4. СПС «Консультант Плюс». См. также Сергеев А.П., Терещенко Т.А. Начало течения исковой давности по иску из неосновательного обогащения. Закон. 2012. № 7 (касательно исчисления срока исковой давности для исков о неосновательном обогащении).

теля является обстоятельством, влияющим на течение срока исковой давности.

Так, И.Б. Новицкий пишет: «пока собственнику неизвестно, кто является нарушителем его прав, он лишен возможности предъявить иск к нарушителю права; засчитывать ему этот период (неизвестности личности нарушителя права) в срок исковой давности было бы неправильным, так как такая норма все равно не стимулировала бы к скорейшему предъявлению иска <...> [это] должно быть обобщено и применительно к тем правам, которые могут быть нарушены не каким-то определенным обязанным контрагентом»³¹.

Черепяхин Б.Б. в свою очередь указывает, что «еще до издания Основ в литературе и судебной практике, преимущественно по отношению к виндикационным искам, а также к искам о возмещении внедоговорного вреда, получила распространение теория, согласно которой исковая давность начинает течь с того дня, когда субъект нарушенного права (потерпевший) узнал о факте нарушения и личности нарушителя»³².

При этом важно отметить, что ни ГК РСФСР 1922 г., ни ГК РСФСР 1964 г. не содержали соответствующего правила «о надлежащем ответчике». Как следует из трудов приведенных авторов, позиция «о надлежащем ответчике» была разработана в доктрине и применена в многочисленных делах в виндикационных или деликтных спорах. При этом в отношении обязательственных споров фактор «надлежащего ответчика» значения не имел. Более подробного обоснования в этих работах не приводится. Кроме того, профессор Е.А. Суханов отмечает, что «эта позиция не получила поддержки в научной литературе»³³.

В связи с этим можно согласиться с тем, что отдельная судебная практика по

виндикационным спорам предвосхитила включение в 2013 г. требования «о надлежащем ответчике» в ст. 200 ГК РФ. Однако сложно утверждать о том, что соответствующее правило было детально выработано в доктрине, или что были некие предпосылки тому, что данное правило будет распространяться на обязательственные (договорные) споры. С деликтными спорами ситуация сложнее: в судебной практике до 2013 г. не сложилась точка зрения о применении правила «о надлежащем ответчике» к данной категории споров, однако, на первый взгляд, сильной разницы с точки зрения известности/неизвестности ответчика между виндикационными и деликтными спорами нет.

Даже если допустить, что правило «о надлежащем ответчике», позиция по которому впервые была приведена в Обзоре Президиума ВАС РФ, было основано на некоторой советской доктрине, то обоснование существования этого правила в российском законе до 2013 г. только указанными источникам является затруднительным. Это связано, в частности, с тем, что ГК РСФСР 1922 г. и ГК РСФСР 1964 г. закрепляли широкую дискрецию суда по применению срока исковой давности и по его восстановлению: (1) суд применял исковую давность независимо от заявления сторон³⁴, (2) суд восстанавливал срок исковой давности по своему усмотрению при наличии уважительных причин, перечень которых не был закреплен в ГК³⁵. Соответственно, незнание ответчика вполне могло стать такой «уважительной» причиной для восстановления срока давности.

В современном законодательстве (начиная с 1990-х гг.) подход противоположный: исковая давность применяется только при наличии заявления ответчика, а институт восстановления срока исковой давности сведен к минимуму

³¹ Новицкий И.Б. «Курс советского гражданского права. Сделки. Исковая давность». М., 1954. С. 175–176.

³² Черепяхин Б.Б. «Исковая давность в новом советском гражданском законодательстве», 1964. П. 9.

³³ Суханов Е.А. «Вещное право: научно-познавательный очерк». М.: Статут, 2017.

³⁴ См., например, ст. 82 ГК РСФСР 1964 г.

³⁵ Ст. 49 ГК РСФСР 1922 г., ст. 87 ГК РСФСР 1964 г.

(уважительными могут быть только те обстоятельства, которые связаны с личностью истца³⁶)³⁷. В таком случае срок исковой давности не мог быть дополнен имплицитно правилом «о надлежащем ответчике», при том, что ст. 200 ГК РФ до 2013 г. прямо устанавливала, что *«[и]зъятия из этого правила [о том, что срок исковой давности течет с момента, когда лицо узнало о нарушении права] устанавливаются настоящим Кодексом и иными законами»*.

В связи с этим, основываясь на приведенных выше работах, трудно утверждать, что в российском праве до 2013 г. сложилось правило «о надлежащем ответчике».

Ad vocem, первенство в разработке теории о «надлежащем ответчике» в России, вероятно, следует отдать советским ученым, так как в дореволюционной доктрине мы не встречали схожей позиции. Однако истоки можно найти, в частности, в работе профессора И.Е. Энгельмана 1868 г., в которой он отмечает, что *«до действительного нарушения вещного права не существует определенного иска, ибо неизвестны: ни содержание будущего иска, — так как нарушение может быть весьма разнообразное, — ни лицо, против коего иск придется предъявить, — так как нарушать право вещное может всякий, между тем как нарушать обязательство может лишь лицо обязавшееся»*³⁸. Профессор И.Е. Энгельман таким образом как бы конкретизирует, что срок исковой давности начинает течь с «действительного» нарушения вещного права, когда становится ясно «содержание будущего иска» и «лицо, против коего иск придется предъявить». В то же вре-

мя такое толкование данного источника спорно, и важно иметь в виду, что в дореволюционном праве срок давности был объективным и влек прекращение материального права в целом. В связи с чем вопрос знания/незнания ответчика был неактуальным³⁹.

Позиция авторов по проблеме

Общеизвестно, что предназначение срока исковой давности заключается не в том, чтобы создать более благоприятный режим для одной из сторон (например, облегчить бремя истца при поиске ответчика), а в том, чтобы обеспечить своевременную защиту прав и стимулировать стороны своевременно заботиться об осуществлении и защите своих прав. Иными словами, целью срока исковой давности является обеспечение стабильности гражданского оборота, исключение состояния неопределенности, соблюдение баланса интересов сторон (т.е. интересов ответчика включительно). Так, Конституционный суд РФ неоднократно разъяснял, что⁴⁰:

«Институт исковой давности имеет целью упорядочить гражданский оборот, создать определенность и устойчивость правовых связей, дисциплинировать их участников, способствовать соблюдению договоров, обеспечить своевременную защиту прав и интересов субъектов гражданских правоотношений, поскольку отсутствие разумных временных ограничений для принудительной защиты нарушенных гражданских прав приводило бы к ущемлению охраняемых законом прав и интересов ответчиков и третьих лиц, которые не всегда могли бы заранее учесть необходимость собирания и

³⁶ Т.е. это в т.ч. не применимо к юридическим лицам.

³⁷ Маковский А.Л. «О кодификации гражданского права (1922–2006)». М.: Статут, 2010.

³⁸ Энгельман И.Е. О давности по русскому гражданскому праву: Историко-догматическое исследование. СПб, 1868 (§ 24, глава 2, п. 1).

³⁹ Как отмечает профессор А.Л. Маковский, субъективный срок исковой давности был сформулирован впервые только в Основах 1961 г.: «Многие из них вообще впервые появились в качестве норм действующего законодательства и до этого не имели в нем прототипов. Назову для примера несколько принципиальных решений <...> о начале течения срока исковой давности по общему правилу со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права» (Маковский А.Л. «О кодификации гражданского права (1922–2006)». М.: Статут, 2010).

⁴⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 20 июля 2011 г. № 20-П.

сохранения значимых для рассмотрения дела сведений и фактов; применение судом по заявлению стороны в споре исковой давности защищает участников гражданского оборота от необоснованных притязаний и одновременно побуждает их своевременно заботиться об осуществлении и защите своих прав» (выделено авторами).

Указанное означает также то, что в основании правового института срока исковой давности лежат политико-правовые резоны.

На наш взгляд, следует согласиться с теми авторами, которые утверждают, что само по себе течение времени не может влиять на правоотношение, по крайней мере до тех пор, пока законодатель/общество не увидят причин связывать истечение промежутка времени с определенными последствиями для бездействующего истца — невозможностью лица реализовать принадлежащее ему субъективное право⁴¹.

Так, профессор И.Е. Энгельман еще в начале XX века писал, что «истечение времени само по себе не способно сделаться основанием юридического учреждения» (т.е. иными словами служить юридическим фактом, влияющим на правоотношение)⁴². Аналогично немногим позднее утверждал Г.Ф. Шершеневич: «Само по себе время, как бы оно не было продолжительно, не может иметь влияния на юридические отношения»⁴³. Схожий подход через призму того времени описывает и известный немецкий правовед современности Р. Циммерманн, указывая, что субъективное право требования представляет собой

актив, чья стоимость уменьшается, если оно более не может быть защищено в суде ввиду временных ограничений⁴⁴. Соответственно базово нет оснований дисконтировать стоимость актива без особых причин для этого. Поэтому должны быть серьезные основания, чтобы по прошествии определенного времени принудительно лишать лиц их субъективных прав (или юрисдикционной защиты прав).

В качестве таких политико-правовых оснований как в российской литературе, так и иностранной, указываются: (1) сложность (а порой просто невозможность) для ответчика сбора информации для защиты от требований истца по истечении длительного времени; (2) формирование разумных ожиданий ответчика, что инцидент исчерпан; (3) публичный интерес в быстром разрешении спора («*interest rei publicae ut sit finis litium*»), чтобы снизить уровень неопределенности и расходов на судебное производство⁴⁵.

Именно с этим связано то обстоятельство, что в классическом римском праве не было общего срока исковой давности. Большинство исков могли быть поданы в течение неограниченного количества времени. Кроме того, отмечается, что срок исковой давности и срок приобретательной давности были не видами давности, а «сторон[ами] одного и того же учреждения» (т.е. правового института)⁴⁶. Профессор Г.Ф. Шершеневич поясняет, что подобное смешение институтов существовало вплоть до XIX в. и даже легло в основу Австрийского уложения 1811 г.⁴⁷ История развития русского

⁴¹ Мейер Д.И. Русское гражданское право. М: Статут, 1997. С. 281.

⁴² Энгельман И.Е. «О давности по русскому гражданскому праву». Вестник права, 3-е изд. СПб: Сенатская типография, 1901. С. 3. См. также там же, С. 13: «Морошкин уже доказывает, что давность не может быть выводима из понятия о праве и справедливости, а может быть оправдываема единственно из государственных видов для охранения гражданского строя».

⁴³ Шершеневич Г.Ф. «Учебник русского гражданского права». 11-е изд. Т. 1. Изд-во Лань, 2013. С. 222.

⁴⁴ Zimmermann R. Comparative Foundations of a European Law of Set-Off and Prescription. Cambridge University Press, 2004. P. 62–63.

⁴⁵ Zimmermann R. Op. cit. P. 63–64. Крашенинников Е.А. Понятие и предмет исковой давности. Ярославль, 1997. С. 34–35.

⁴⁶ Энгельман И.Е. О давности по русскому гражданскому праву. С. 4.

⁴⁷ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. С. 223–224.

права подтверждает это, так как изначально на Руси выделялись лишь сроки приобретательной давности⁴⁸.

Также историческое развитие института срока исковой давности демонстрирует тот факт, что сроки исковой давности изначально (и большую часть истории) были объективными, т.е. не зависели от знания истца о нарушении его права. Это было характерно и для отечественного права. Например, профессор И.Е. Энгельман отмечал что «*начало исковой давности определяется исключительно временем совершения... нарушения... независимо от того, когда такое нарушение сделалось известным пострадавшему от него лицу*»⁴⁹. В международно-правовом контексте субъективный короткий срок исковой давности буквально в начале XXI в. называли «международным трендом»⁵⁰. Соответственно, до этого времени субъективному сроку не уделялось столько внимания.

Таким образом, субъективный срок исковой давности, который на сегодняшний день заложен в ст. 200 ГК РФ, является результатом исторического развития института давности, претерпевшего ряд существенных изменений под влиянием развития политических и социально-экономических отношений в обществе.

Из указанного выше следует, что *длительность* срока исковой давности не обусловлена природой института и может быть связана с различными политико-правовыми причинами (подтверждением этому служит различие сроков давности в зависимости от юрисдикции). Однако *дата отсчета* срока исковой давности (т.е. момент начала течения срока) всегда обусловлена одним и тем же соображением — моментом нарушения права

(т.е. событием, которое вынуждает истца защищать свои права (независимо от того какая модель давности выбрана законодателем: объективная или субъективная)). Соответственно, срок исковой давности призван ограничить стороны в сроках принудительной защиты права.

Очевидно, что такое ограничение должно быть разумным и сбалансированным. Поэтому приведенные выше разъяснения тесно сопряжены (но, на наш взгляд, не противоречат) другому разъяснению Конституционного Суда РФ, согласно которому институт срока исковой давности должен также «*обеспечивать реальную возможность исковой защиты права*»⁵¹. Ниже мы затронем это разъяснение снова.

Если пытаться объяснить концепт срока давности простыми категориями, то течение срока исковой давности начинается в момент, когда возникает некий повод для предъявления иска⁵². Иными словами — необходимость защитить себя. Юридически таким «поводом» для предъявления иска выступает момент возникновения права требования к ответчику⁵³. В обязательствах — когда обязательство не исполнено должником добровольно в установленный срок/по требованию. В деликтах — когда ответчиком причинен вред имуществу истца. При истребовании имущества — когда ответчик незаконно завладел имуществом истца. Соответственно, срок исковой давности, как следует из хода исторического развития данного института, по своей природе является объективным (он не был привязан к субъективному знанию истца о нарушении его прав). Именно таким образом давностные сроки впервые были закреплены в римском праве⁵⁴.

⁴⁸ Хотя стоит отметить, что ряд авторов отмечает, что правила об исковой давности существовали на Руси в качестве обычая, но с течением времени «утратились».

⁴⁹ Энгельман И.Е. «О давности по русскому гражданскому праву».

⁵⁰ Сарбаш С.В., Ерохова М.А. Изменение сроков исковой давности по соглашению сторон. О договорах: Сборник статей к юбилею В.В. Витрянского. М.: Статут, 2017. С. 83. См. также Zimmermann R. Op. cit. P. 86, 92.

⁵¹ Определение Конституционного Суда РФ от 23 сентября 2010 г. № 1154-О-О.

⁵² Шершеневич Г.Ф. Учебник Русского гражданского права. М., 1911. С. 191.

⁵³ Энгельман И.Е. Указ. соч. § 24, глава 2. Новицкий И.Б. Указ. соч. С. 170.

⁵⁴ «Римское частное право: Учебник»/В.А. Краснокутский, И.Б. Новицкий, И.С. Перетерский и др.; под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М.: Юрист, 2004.

Переход к субъективному моменту начала течения срока исковой давности как раз связан с тем соображением (обозначенным выше), что законодателем должна обеспечиваться реальная возможность исковой защиты права. Поэтому с течением времени стало предполагаться, что право требования возникает в тот момент, когда будущий истец узнает о нарушении права (или должен был узнать о нем)⁵⁵. Но при этом презюмируется совпадение объективного момента нарушения права и субъективного знания о таком нарушении⁵⁶.

В то же время такое исчисление срока давности в зависимости от *знания* истца о нарушении права потребовало сократить сроки исковой давности, чтобы стимулировать стороны не тянуть с разрешением спора в судебном порядке.

При этом римскому праву и российскому дореволюционному праву не было известно правило «о надлежащем ответчике». Иными словами, *начало* течения срока исковой давности не ставилось в зависимость от знания личности ответчика. Поэтому правило «о надлежащем ответчике» является, на наш взгляд, еще одним шагом вперед по пути обеспечения реальной возможности истца обратиться с иском к ответчику в пределах срока исковой давности. Однако, очевидно, что данное правило не может быть выведено (подразумеваться) из природы института исковой давности. Прежде всего потому, что институт давности «построен» на политико-правовых аргументах, и поэтому в него на момент создания был заложен конкретный ограниченный в применении «механизм», додумывать который ретроспективно, по крайней мере, не имеет смысла. В частности, это выражается в выборе объективного момента начала течения давности (в России вплоть до XX в.), для которого вопрос *знания* истца (в том числе и личности ответчика) не имел значения.

Указанная точка зрения подтверждается также тем, что в современных унификациях частного права (например, таких как The Principles of European Contract Law 2002 и Draft Common Frame of Reference 2009), которые составлялись ведущими специалистами частного права, незнание личности ответчика не влияет на *начало* течения срока исковой давности, но может стать причиной *приостановления* течения срока исковой давности⁵⁷. Соответственно, правило «о надлежащем ответчике» не является присущим моменту начала течения давности раз возможен выбор между двумя моделями: (модель 1) исковая давность не течет, пока не известен ответчик, или (модель 2) исковая давность начала течения, но приостановилась на период, пока ответчик не был известен.

Таким образом, возвращаясь к проблеме существования правила «о надлежащем ответчике» в российском праве до 2013 г., в качестве стартовой позиции следует констатировать, что сам по себе срок исковой давности, как правовой институт, такое правило не подразумевает. При этом мы не видим убедительных аргументов, которые могли бы подтвердить существование данного правила в российском праве до 2013 г.

Аргумент 1. Заключается в том, что якобы невозможно подать иск без знания о личности ответчика, так как процессуальные кодексы требуют указания ответчика в иске в качестве обязательного условия для принятия иска судом. Данный аргумент справедлив и объясняет, почему правило «о надлежащем ответчике» в конце концов было инкорпорировано в ГК РФ. В то же время нельзя доводить данный аргумент до абсурда, утверждая, что указанное означает, что ст. 200 ГК РФ (в части начала течения срока исковой давности) всегда подразумевала в себе необходимость знания о личности ответчика.

⁵⁵ Черепяхин Б.Б. Указ. соч. П. 7.

⁵⁶ Иоффе О.С. Советское гражданское право, 1967. С. 342.

⁵⁷ PECL. Articles 14:203, 14:301. DCFR. III-7:203, III-7:301.

Аргумент 2. Якобы судебная практика по виндикации, основанная на Обзоре Президиума ВАС РФ 2008 г., свидетельствует о том, что российскому праву было известно правило «о надлежащем ответчике» до 2013 г. Можно согласиться с этим аргументом, но только в части споров о виндикации. Этот аргумент не может быть использован для распространения правила «о надлежащем ответчике» на другие категории споров. Несмотря на то, что сторонники точки зрения о том, что правило «о надлежащем ответчике» являлось частью российского права и до 2013 г., могут утверждать, что между деликтными спорами и виндикационными спорами разница небольшая, судебная практика, приведенная выше, опровергает тезис о том, что данное правило универсально применялось к иным категориям споров, нежели чем к виндикационным. Кроме того, мы не смогли установить дело, которое легло в основу Обзора Президиума ВАС РФ.

Аргумент 3. Якобы правило «о надлежащем ответчике» было известно юридической доктрине еще с советских времен. Верно, но до 2013 г. правило так и не было закреплено в законе, не получило развития в научных кругах (активно о нем стали писать только во время и после реформы 2013 г.) и крайне редко применялось на практике (кроме споров о виндикации). Более того, исторический контекст (в частности, работы советских ученых) не меняет сути толкования нормы действующего ГК РФ — по факту только актуальная судебная практика по применению ст. 200 ГК РФ может продемонстрировать, существовало ли соответствующее правило в российском законодательстве в релевантный период или нет.

При этом есть достаточно убедительные аргументы о том, что обсуждаемого правила до 2013 г. в российском праве не существовало:

1. данное правило не присуще институту срока исковой давности как временная отсечка начала течения срока исковой давности; в то же время мы допуска-

ем существование точки зрения, согласно которой субъективный срок исковой давности (как самостоятельный правовой институт) предполагает сам по себе, что истец должен иметь возможность заявить иск, а значит наличие не зависящих от истца «препятствий» для подачи иска должны повлиять на срок исковой давности (в частности, пишут, что несправедливо засчитывать в срок исковой давности время, в течение которого истец был лишен возможности предъявить иск); однако, во-первых, указанная проблема может решаться через приостановление срока исковой давности (т.е. в таком случае правило о надлежащем ответчике хоть и будет присущим институту, но не обязательно в части исчисления момента начала течения срока исковой давности), а во-вторых, эта идея все же должна найти свое место в законе — т.е. недопустимо имплицитировать подобные правила из природы института (даже если это возможно), так как далеко не все участники гражданского оборота могут догадываться о его существовании;

2. ГК РФ до 2013 г. указывал в качестве момента отсчета только одно условие — знание о нарушении права; напротив, в Германии, где правило «о надлежащем ответчике» известно как минимум с введения Германского Гражданского Уложения (ГГУ), оно было изначально выражено в ГГУ эксплицитно;

3. в переходных положениях к новой редакции ГК РФ прямо указано на то, что новые правила не применяются ретроактивно, а применяются только к спорам, срок давности по которым не истек до 1 сентября 2013 г. (соответственно, у законодателя не было понимания о том, что рассматриваемое правило и так является действующим, иначе не было бы смысла запрещать его ретроактивное действие);

4. в проекте Концепции развития ГК РФ было прямо указано на наличие проблемы при исчислении срока исковой давности в случае неизвестности ответчика;

5. комментарии к ГК РФ и судебная практика до 2013 г. исходили из того, что

единственным критерием являлось знание лица о нарушении права (за исключением виндикационных споров, начиная с 2008 г.).

Еще одним сильным аргументом в пользу отсутствия рассматриваемого правила в российском законодательстве до 2013 г. является политико-правовой запрет «вечных» исков. С 2013 г. эта проблема решается введением объективного (десятилетнего) срока исковой давности. До 2013 г. такого объективного срока давности не было, в связи с чем для соблюдения баланса интересов сторон истец должен был предпринимать активные действия, чтобы узнать о нарушении права и личности ответчика, чтобы подать иск.

Отсутствие в российском праве обсуждаемого правила до 2013 г. никак не препятствовало сторонам в осуществлении их права на обращение за судебной защитой, так как истец мог воспользоваться различными правовыми инструментами для того, чтобы определить надлежащего ответчика до истечения срока исковой давности.

Во-первых, в ситуации, когда истец не мог определить, кто именно нарушил его права, он мог подать иск к лицу, которого считал виновным, а в процессе разбирательства обратиться к суду с ходатайством об истребовании доказательств, которые могли бы подтвердить, что иск предъявлен именно к надлежащему ответчику, или, если это не так, установить другого причинителя вреда и произвести замену ненадлежащего ответчика. Действуя оперативно, истец мог уложиться в предоставленные три года.

Во-вторых, ГК РФ всегда предусматривал такие нормы как приостановление, перерыв и, в некоторых случаях, восстановление срока исковой давности. В советский период времени восстановление срока исковой давности применялось в том числе и к юридическим лицам.

В-третьих, даже если предположить, что концепция срока исковой давности до

2013 г. все-таки была бы связана с личностью надлежащего ответчика, то логичным было бы, чтобы при подаче иска к ненадлежащему ответчику течение срока исковой давности для истца приостанавливалось (ведь знание о личности ответчика имеет значение; если ответчик оказался ненадлежащим, то значит срок и не должен течь). Однако согласно судебной практике, преобладающей до 2013 г., в случаях, когда истец обращался с требованиями к ненадлежащему ответчику, срок исковой давности продолжают течь. Так, например, в деле ОАО «Сибирьтелеком» против г. Ангарск суд постановил, что: «... *предъявление истцом иска 07.11.2005 не может являться основанием для прерывания течения срока исковой давности, поскольку иск был предъявлен к ненадлежащему ответчику*»⁵⁸.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что до 1 сентября 2013 г. российское право никогда (за исключением виндикации) не ставило начало течения срока исковой давности в зависимости от знания «надлежащего ответчика».

На сегодняшний день после введения в 2013 г. правила «о надлежащем ответчике» фактически произошла значимая модернизация работы института. С одной стороны, удлинились сроки обращения в суд за защитой нарушенных прав, так как начало течения срока исковой давности стало связанным со знанием о личности ответчика. С другой стороны, стабильность оборота защищается новой нормой — п. 2 ст. 196 ГК РФ, устанавливающей объективный срок исковой давности, который не может превышать 10 лет со дня нарушения права. В связи с этим лицо, не знающее «надлежащего ответчика», не сможет затягивать предъявление требования более, чем на 10 лет с момента нарушения права.

Таким образом, на основании вышеизложенного следует сделать вывод о том, что согласно старой редакции п. 1 ст. 200 ГК РФ срок исковой давности на-

⁵⁸ Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 31 мая 2007 г. по делу № А19-40997/05-22-16. См. также Постановление ФАС Московского округа от 29 марта 2011 г. по делу № А40-95343/10-27-834: «Кроме того, предъявление иска к ненадлежащему ответчику также не является основанием по смыслу ст. 203 ГК РФ для прерывания течения срока исковой давности».

чинал течь со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права (т.е. без какой-либо квалификации относительно того, известна ли истцу личность ответчика). Поэтому при рассмотрении судом дел, где обстоятельства имели место до 1 сентября 2013 г., следует исходить из того, что незнание о личности ответчика не должно влиять на исчисление срока исковой давности для споров не о vindication, в частности, обязательственных и деликтных споров, даже если кому-то такая позиция может показаться несправедливой (*dura lex, sed lex*).

Примеры из зарубежного регулирования

В этом контексте интересно обратиться к зарубежному подходу исчисления срока исковой давности.

Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА закрепляют правило, что общий срок исковой давности начинает течь на следующий день после того, как кредитор узнал или должен был узнать об обстоятельствах, в результате которых может быть осуществлено право кредитора⁵⁹. В разъяснениях к данной норме содержится указание на то, что в определенных случаях кредитор должен знать о личности ответчика (кому предъявлять иск)⁶⁰:

«В этих случаях кредитор должен знать или иметь основание для установления, кому он может предъявить иск до того, как ему может быть поставлено в вину, что он ранее не реализовал свое право или требование».

Соответственно, такой подход ближе к тому, что был закреплен в России в 2013 г. (в особенности, учитывая, что указанные

принципы также разделяют сроки на общий и объективный (максимальный)).

Согласно Закону об исковой давности Великобритании⁶¹, срок исковой давности начинает течь в момент, когда сформировалось основание для иска (*cause of action*). Основание считается сформировавшимся в момент нарушения договора или причинения вреда⁶². При этом срок исковой давности течет вне зависимости от знания истца об ущербе⁶³. Сам по себе факт того, что ответчик не может быть отслежен не препятствует формированию основания для иска⁶⁴. То, что знание «о надлежащем ответчике» по общему правилу не влияет на течение срока исковой давности в Англии подтверждается тем, что в Законе об исковой давности установлены специальные случаи (по отдельным видам исков), когда знание «о надлежащем ответчике» имеет значение. Так, начало течения срока исковой давности зависит от знания личности причинителя вреда в случае причинения телесных повреждений или наступления несчастных случаев, скрытого вреда⁶⁵. Кроме того, в законе предусмотрены специальные случаи, когда исковая давность в любом случае не будет течь (например, если иск основан на обмане/мошеннических действиях (*fraud*) ответчика) пока данное обстоятельство не будет обнаружено истцом.

Однако следует отметить, что Правовая Комиссия Англии и Уэльса в свое время в рамках реформы рекомендовала Парламенту Великобритании учесть фактор знания «надлежащего ответчика» при исчислении начала течения срока исковой давности в качестве «правила по умолчанию» для всех видов исков⁶⁶.

⁵⁹ Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА, 2010. Ст. 10.2.

⁶⁰ Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА, 2010. П. 6 комментариев к ст. 10.2.

⁶¹ Limitation Act 1980, art. 2, art. 5.

⁶² Chitty on Contracts 32nd ed. Paras 28-031, 28-032, 28-033.

⁶³ Pirelli General Cable Works Limited v Oscar Faber & Partners (1983, 2AC 1), Lloyd's v Butler (1949, 2 All ER 226).

⁶⁴ Chitty on Contracts 32nd ed. Paras 28-031.

⁶⁵ Limitation Act 1980, art 14(1), 14A(8).

⁶⁶ The Law Commission Limitation of Actions. Item 2 of the Seventh Programme of Law Reform: Limitation of Actions. 2001. (№ 270). URL: http://lawcom.gov.uk/app/uploads/2015/03/lc270_Limitation_of_Actions.pdf (см. Executive summary, paras 1.12, 2.27, 3.8, 3.9, 3.14).

Однако соответствующие изменения не были приняты.

В Австрии, напротив, норма, закрепляющая порядок исчисления начала течения срока исковой давности (ст. 1489 Австрийского Гражданского Уложения (ABGB)) толкуется таким образом, что для начала течения трехлетнего срока исковой давности по искам о договорных убытках или возмещении причиненного вреда истцу должна быть известна личность ответчика⁶⁷. Это правило является одним из старейших (кодекс датирован 1811 г.) и, вероятно (вместе с немецким законом), стало прототипом российского правила, инкорпорированного в 2013 г. (как и норма немецкого законодательства (см. ниже)). Если личность ответчика неизвестна, то применяется объективный 30-летний срок исковой давности.

Аналогично в Германии — в ст. 199 ГГУ прямо закреплено, что срок исковой давности начинает течь только тогда, когда кредитор помимо знания о возникновении права требования получает знание о личности ответчика⁶⁸. Так, профессор Р. Циммерманн отмечает, что ГГУ закрепляет субъективный критерий для деликтных исков⁶⁹.

Выводы

До 1 сентября 2013 г. российское право не ставило начало течения срока исковой давности в зависимость от знания «о надлежащем ответчике». Изменения, внесенные в п. 1 ст. 200 ГК РФ, являлись существенными. Правило «о надлежащем ответчике» нельзя вывести только из юридической природы института срока исковой давности, так как оно обусловлено политико-правовыми мотивами. В то же время в российской доктрине встречались работы, которые упоминали данное правило в контексте его по-

тенциального применения (так же, как и в советское время), судя по всему, основываясь на законодательстве Германии и Австрии.

Наличие практики по виндикационным спорам, начиная с 2008 г., не подтверждает тот факт, что правило «о надлежащем ответчике» являлось частью российского правопорядка. Скорее, это было очень узким исключением для конкретной категории споров (что подтверждается судебной практикой, сложившейся до 2013 г. по другим категориям споров).

Некоторым иным правопорядкам правило «о надлежащем ответчике» (Германия, Австрия) известно давно. В таких правопорядках указанное правило закреплено непосредственно в законе. Однако другие страны не инкорпорировали подобное правило (в качестве «правила по умолчанию») в свое законодательство (например, Англия), как и Россия до реформы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ерохова М.А. Защита вещных прав: некоторые вопросы судебной практики. Экономика и жизнь. 11 марта 2016 г.
2. Иоффе О.С. Советское гражданское право, 1967.
3. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая: учеб.-практич. комментарий (постатейный); под ред. А.П. Сергеева. М.: Проспект. 2010. СПС «Консультант Плюс».
4. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный); под ред. С.П. Гришаева, А.М. Эрделевского. СПС «Консультант Плюс».
5. Крашенинников Е.А. Понятие и предмет исковой давности. Ярославль, 1997.

⁶⁷ Dr. Hanno Wollmann. National Report of EC re Austria. P. 13–14. URL: http://ec.europa.eu/competition/antitrust/actionsdamages/national_reports/austria_en.pdf; Robert Hunter. Asset Tracing and Recovery Review. P. 33. URL: http://www.binderagroesswang.at/fileadmin/Inhalte/Publikationen/Fachbeitrag/2017/SAL_THA.pdf The Complex Commercial Litigation Law Review. Edition 1. The Law Reviews, 2019. URL: <https://thelawreviews.co.uk/edition/the-complex-commercial-litigation-law-review-edition-1/1177625/austria>

⁶⁸ Sec. 199(1) of the BGB.

⁶⁹ Zimmermann R. Op. cit. P. 92.

6. Лакоценина Н.М. Вопросы защиты владения. Юрист. 2014. № 19. СПС «Консультант Плюс».

7. Маковский А.Л. О кодификации гражданского права (1922–2006). М.: Статут, 2010.

8. Мейер Д.И. Русское гражданское право. М.: Статут, 1997.

9. Новицкий И.Б. Курс советского гражданского права. Сделки. Исковая давность. М., 1954.

10. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой; под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2011. СПС «Консультант Плюс».

11. Проблемы развития частного права: Сборник статей к юбилею Владимира Саурсевича Ема; отв. ред. Е.А. Суханов, Н.В. Козлова. М.: Статут, 2011. СПС «Консультант Плюс».

12. Римское частное право: Учебник/ В.А. Краснокутский, И.Б. Новицкий, И.С. Перетерский и др.; под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М.: Юристъ, 2004.

13. Сарбаш С.В., Ерохова М.А. Изменение сроков исковой давности по соглашению сторон. О договорах: Сборник статей к юбилею В.В. Витрянского. М.: Статут, 2017.

14. Сергеев А.П., Терещенко Т.А. Особенности исчисления начала течения исковой давности, если вредоносные действия являются одновременно преступлением. Арбитражные споры. 2014. № 4. СПС «Консультант Плюс».

15. Сергеев А.П., Терещенко Т.А. Начало течения исковой давности по иску из неосновательного обогащения. Закон. 2012. № 7.

16. Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. СПС «Консультант Плюс».

17. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. 11-е изд. Т. 1. Изд-во Лань, 2013.

18. Черепяхин Б.Б. Исковая давность в новом советском гражданском законодательстве, 1964.

19. Эрделевский А.М. О начале течения исковой давности. 2002.

20. Zimmermann R. Comparative Foundations of a European Law of Set-Off and Prescription. Cambridge University Press, 2004.

Власов Д.С., Ильин Д.В. Знание о «надлежащем ответчике» и исчисление срока исковой давности

Dmitriy S. Vlasov, Dmitriy V. Ilin “Proper defendant” rule and application of the statute of limitations

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены правила исчисления срока исковой давности по новой и старой редакциям ст. 200 Гражданского Кодекса РФ. Раскрыта проблема, связанная с применением до 2013 г. правила о необходимости знания «о надлежащем ответчике» для начала течения срока исковой давности. Дан анализ релевантной судебной практики и доктрины. Предложено исходить из того, что до 2013 г. знание надлежащего ответчика не требовалось для начала течения срока исковой давности.

ABSTRACT

The article discusses the rules for calculating the limitation period under the new and old editions of Art. 200 of the Civil Code of the Russian Federation. It reveals the problem associated with application of the “proper defendant” rule needed for the beginning of the limitation period, which was in force till 2013. The article provides the analysis of relevant case law and legal doctrine. It is proposed to proceed from the fact that prior to 2013 it was not required to identify the proper defendant for the beginning of the limitation period.

Ключевые слова: срок исковой давности, знание надлежащего ответчика, момент начала течения срока исковой давности.

Keywords: statute of limitation period, proper defendant rule, commencement of the limitation period.